

И. Н. КАЧАКИ

Судьба драгоценностей Петроградской ссудной казны в Югославии (1920–1948 гг.)

Введение

Во время Гражданской войны на Юге России, на станции Ейск в руки Добровольческой армии попал один особенный железнодорожный состав. Прежде он находился в руках Красной армии. Большевики, очевидно, не представляли, что в этом составе находится значительная часть драгоценных залогов и депозитов Петроградской ссудной казны* (ПСК).

С той поры началась одиссея этого клада; она его унесла в Королевство СХС — Югославию: первоначально в бухту Катарро (Котор), а пару лет спустя, через порт Бакар — по железной дороге в Белград. В Белграде этот клад, уже значительно уменьшенный из-за распродаж и краж в Катарро**, находился под контролем и повременными секвестрами Министерства финансов Королевства вплоть до 1941 года.

После оккупации Югославии германские оккупационные власти приказали сербскому коллаборационистскому правительству генерала Недича передать остаток предметов ПСК в распоряжение «Русского бюро» (управлению по делам российских беженцев в оккупированной Сербии). В сентябре 1944 года остатки драгоценностей ПСК были эвакуированы сначала в Вену, а затем в Мюнхен, и там с их исчезновением заканчивается документальная часть этой одиссеи.

В течение предшествовавших 25 лет, количество драгоценностей ПСК таяло из-за распродаж, главным образом незаконных. Существование такого огромного количества драгоценностей вызывало в среде бедствовавших российских беженцев (не только в Югославии) непрерывные слухи, сплетни и скандалы, находившие отклик в местных газетах. Отголоски разговоров об этом сокровище не ути-

* Генерал-лейтенант Ахрангельский. Сремски Карловци. 15.9.1922. № 01738 (Hoover Institution of War, Revolution and Peace, Stanford University, Stanford California, USA (далее — Hoover), Wrangel collection 94/5).

** *Мирослав Јовановић*. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. 259.

хали в сербской среде вплоть до конца XX столетия. Так, например, в течение 1990-х годов в белградской печати неоднократно писалось о совершенно недостоверной находке «русского царского сокровища» у неких частных лиц*. Конечно, из всего этого возникает и логический вопрос о размере «огромного сокровища» ПСК, о его точном содержании, происхождении и судьбе. Постараюсь сказать несколько слов об этом.

В настоящее время, спустя почти 100 лет после прибытия клада ПСК в Югославию и почти 70 лет с начала его уничтожения, в югославских архивах нет прямых сведений о нем**. Очень вероятно, что такие документы находятся в Архиве Национального банка Сербии, но он, к сожалению, недоступен исследованию. К счастью, в архиве Гуверовского Института (Hoover Institution of War, Revolution and Peace, Stanford University, Stanford California, USA), в фондах, относящихся к жизни и судьбе российских беженцев и в Югославии (архив Гирса, архив ген. Базаревича, архив ген. Врангеля, архив Палеолога) можно найти много данных (документов и статей из печати того времени), позволяющих приблизительно реконструировать перечень драгоценностей ПСК, прибывших в Югославию в 1920 году.

Сперва необходимо написать несколько слов об устройстве и работе Петроградской ссудной казны. Этот государственный ломбард, самый крупный в Российской империи, принимал драгоценности (ювелирные изделия, золотые и серебряные предметы) на двух основаниях***:

Как залоги — под ссуду. ПСК выплачивала собственнику часть ценности залога, и ему предоставлялось время до одного года, чтобы выкупить залог, возвращая полученную сумму денег и выплачивая проценты за хранение. Если заложенные драгоценности не были востребованы, их по истечении годового срока продавали на аукционе.

Как депозиты на хранение сроком до 30 лет. Хозяева драгоценностей могли свободно востребовать их в любой момент, уплачивая процент за хранение.

В начале Первой мировой войны фонды ПСК значительно увеличились депозитами, а в течение войны вследствие финансовых проблем возрастало число тех, кто был вынужден сдавать драгоценности под залог. В 1917 году, когда начала возрастать опасность германского прорыва фронта до самого Петрограда, было решено эвакуировать ПСК с ее персоналом. Часть казны, о которой здесь идет речь, попала на Юг России — сперва в Ейск, где ее в свое распоряжение взяло

* *Мирјана Радошевић*. Славица Вујчић: «Пронађен златни крст Петра Великог». Политика. Београд. 8. Фебруар 1990.

** Архив Југославије, Историјски Архив Београда, Архив Српске Академије Наука — Белград.

*** В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу. 25.8.1922. № 21 (Hoover, Girs coll., 47/5).

правительство Юга России, а затем в Екатеринодар и в Феодосию. Там все содержимое транспорта было погружено на один из кораблей. Какое-то время, уже после Ейска, ПСК даже работала на Кавказе и в Крыму и выдавала залогов и депозитов их хозяевам после предъявления квитанций и уплаты надлежавших сумм*.

Первые сведения (в течение событий Гражданской войны на Юге России) о намерении правительства генерала Врангеля эвакуировать ПСК в Королевство СХС сохранились в письме российского посла в Царьграде А. А. Нератова от 27 мая 1920 года российскому послу в Белграде В. Н. Штрандману**. Нератов просил Штрандмана испросить соизволение правительства Королевства СХС на прием предметов ПСК на территорию Королевства и на их хранение в одном из портов Королевства — по выбору королевского правительства. В письме содержались и три условия правительства Юга России при соблюдении которых оно было готово перевести драгоценности ПСК в Королевство СХС:

Согласие правительства королевства с тем, что все драгоценности без исключения останутся в распоряжении финансового управления при главнокомандующем вооруженных сил Юга России.

Предоставление соответствующих помещений с постоянной охраной драгоценностей.

Чтобы 4–5 чиновников финансового управления во главе с вице-директором канцелярии управления Арнольдом Эдуардовичем Ломейром постоянно находились при драгоценностях и осуществляли контроль активов***.

* Генерал-лейтенант Архангельский. Сремски Карловци, 15.9.1922. № 01738 (Hoover, Wrangell coll., 94/5).

** Правительство Королевства СХС в тот период признавало правительство адмирала Колчака, и В. Н. Штрандман (1877–1963) стал российским послом в Белграде. Он был личным другом короля Александра I Карагеоргиевича, вследствие того, что когда тот в 1914 г. был регентом, оказал ему неоценимую помощь, консультируя его по политическим вопросам (Штрандман тогда временно, как *charge d'affairs* возглавлял российскую императорскую миссию в Белграде, после внезапной смерти посла Н. Г. Гартвига). Любопытно, что он был единственным иностранным дипломатом, вступившим добровольцем в сербскую армию, и на Салоникском фронте в чине ротмистра служил адъютантом регента Александра. В. Н. Штрандман остался российским посланником до закрытия посольства в феврале 1924 г. (Штрандман — Гирсу: Осведомительное сообщение. Белград, 2 марта 1924. — Hoover, Girs 48/1). После того периода, задержав все дипломатические прерогативы, Штрандман был шефом «Бюро по защите интересов русской эмиграции» в здании бывшей Российской миссии в Белграде вплоть до германской оккупации Югославии в 1941 г. (по данным: *Качаки* *Ж.* Василиј Николајевич Штрандман — живот и прикљученија. Предисловие // Василиј Штрандман. Балканске успомене. Белград, 2009. С. 7–33).

*** Нератов А. А. — В. Н. Штрандману. 27.5.1920. № 190 (Hoover, Girs coll., 47/1).

В этом документе впервые было отмечено количество драгоценностей: «приблизительно 25 вагонов». Две недели спустя Штрандман известил Нератова секретной телеграммой о том, что министр иностранных дел Королевства СХС сообщил о согласии своего правительства и что пароход «Самара» с содержанием драгоценностей ПСК может направиться в Дубровник. С этой целью было необходимо предоставить аванс в размере 1000 фунтов стерлингов*. Штрандман об этом одновременно известил и своего шефа, российского посла в Париже М. Н. Гирса**.

Транспорт с драгоценностями ПСК прибыл не в Дубровник, как первоначально было запанировано, а в Котор. Скорее всего, это случилось в июне 1920 года, а не «в начале 1920 г.» как было написано в одной газетной статье того времени***.

Кроме драгоценностей залогов и депозитов ПСК, в транспорте находилась и часть художественных предметов, собранных «Всеукраинским комитетом сохранения предметов искусства», собранных в течение большевистского периода владения Киевом с целью сохранения их от грабежа. Была там и часть драгоценностей из Русского музея императора Александра III. Эта часть состояла из нескольких ящиков и была оценена на сумму не менее 1 млн фунтов стерлингов. Не совсем ясно, была ли в тех вагонах большая и очень ценная нумизматическая коллекция великого князя Георгия Михайловича («научно тщательно обработанная и подробно описанная»****), являвшаяся частью экспозиции упомянутого музея, или отдельной экспозицией в нем. В транспорте находилась и часть средств Рус-

* В. Н. Штрандман — А. А. Нератову. 12.6.1920. № 235 (Hoover, Girs coll., 47/1).

** В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу. 21.6.1920. № 566 (Hoover, Girs coll., 47/1). Примечание: Полезно напомнить, что М. Н. Гирс был «старшим послом» в Совете российских послов — неофициальном органе «остатка» российской дипломатии на Западе. Совет российских послов распоряжался некоторыми финансовыми средствами, оставшимися в западных странах времен Российской империи и Временного правительства. Штрандман (как и остальные российские послы того периода) был послом правительства адмирала Колчака в Белграде, формально признанным Королевством СХС и остальными западными странами. Правительство Юга России (генерала Врангеля) никто формально не признавал, а отношения Совета российских послов с ним были, мягко говоря, напряженные. Это в особенности было видно и в отношениях Штрандмана к Врангелю, к которому он питал и личное нерасположение. Несколько лет спустя, когда генерал Врангель покидал Югославию, Штрандман в письме Гирсу выразил свое удовлетворение «уходом неприятного постояльца» и причины своего отсутствия на его проводах [Штрандман В. Н. — Гирсу М. Н. — доверительно (Hoover, Girs coll., 48/3)].

*** Шелест А. Операции с Ссудной Казной // Последняя Новости. № 942. Париж. 18.5.1923.

**** Маевский Вл. А. Русские в Югославии. Т. 2. NY, 1966. С. 348.

ского государственного банка — облигации, серебряные (7000 кг) и медные (1500 кг) монеты. Одна (газетная) версия* свидетельствует о номинальной стоимости облигаций в размере 100 млн царских руб., а другая — по версии врангелевского финансового управления, о сумме в 31 800 тыс. руб. Кроме этого, в транспорте находилось и 4045,81 руб. золотых монет**.

Очень скоро после прибытия в Котор Петроградская ссудная казна начала работать и выдавать законным собственникам их залоги и депозиты, после выплаты надлежащих средств, а сверх того и стоимости их переправки на транспорте из России***.

Сколько собственников успело получить свои предметы в Которе, остается неизвестным. Вряд ли их число могло быть значительным, учитывая географическое положение Котора, плохую работу транспорта и тот факт, что подавляющее большинство собственников, даже если им и повезло выбраться из России, проживало вне границ Королевства СХС. Вскоре с помощью нескольких охранников произошла и одна из краж из охраняемых складов. Это было обнаружено лишь в 1923 году. Речь шла о ценности в размере 1400 фунтов стерлингов****.

Случайно или нет, но в Белграде как раз накануне прибытия драгоценностей ПСК в Королевство СХС, в июне 1920 года было создано предприятие «Руссосерб». Данные о его регистрации свидетельствуют, что среди его основателей были Валентин Павлович Гайдуков, Яков Матвеевич Хлытчиев, Пантелеймон Васильевич Заболотский, граф Михаил Толстой, Георгий Потехин и англичанин Роберт Смит*****.

* [К. А.] Серебряныя операции Врангеля // Дни. № 195. Берлин. 23.6.1923.

** Г. Начальнику Финансовой части. Белград, 19 июля 1921. № 745 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

*** 25.8.1920: «Объявление Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС» (Hoover, Paleologue coll. 6/14). Следует добавить, что этот орган Правительства Юга России («Управление Правительственного Уполномоченного по устройству русских эмигрантов в Королевстве СХС») — вопреки отсутствию официального признания правительства Юга России правительством Королевства СХС был признан правительством Королевства как своего рода управляющий орган российской эмиграции. Его начальник, С. Н. Палеолог, вскоре вошел в состав официального югославского государственного учреждения, управлявшего всеми делами российской эмиграции: «Државна Комисија Краљевине [СХС] Југославије за помоћ руским избеглицама». Палеолог состоял в нем до своей смерти (1933), а сам этот орган работал до германской оккупации Югославии (1941). Полный архив учреждения Палеолога хранится в Гуверовском архиве.

**** *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. С. 259.

***** *Латинчић Олга, Ракочевић Бранка.* Эмигранты из Москвы у Београду — привредници и уметници // Архивски преглед 1–4 (1994–1995). Београд, 1988. С. 65–79.

Один из руководителей того предприятия, В. П. Гайдуков, охарактеризован так: «выполняет все свои обязательства покупок серебра без малейшей остановки... и умеет молчать, а это в делах такого рода необходимо и этого нельзя сказать про Н. Н. Львова*. Характеристику, подобную Гайдукову, получил и Я. М. Хлытчиев, математик (впоследствии профессор Белградского университета и член Сербской академии наук)**». Представляется, окружение генерала Врангеля имело особое доверие людей, заинтересованных в продаже драгоценностей, особенно серебра. В сентябре 1923 года, предприятие было решено ликвидировать, и тогдашние партнеры В. П. Гайдуков, Хуберт Вильямович Джонс, Алексей Федорович Донецкий, П. В. Заболотский и Я. М. Хлытчиев заключили по этому поводу взаимное соглашение***. В ноябре 1924 года «Руссосерб» объявил о прекращении своей работы, но вопреки тому его деятельность от случая к случаю упоминалась вплоть до 1927 года****. Правда, под новым названием: «Руско-Српско Друштво за Трговину и Индустрiju — за развийање трговинских и индустријских веза у Словенским земљама». Немного времени спустя это торговое общество получило монополию на продажу части ПСК.

Владельцы предприятия в течение последующих лет занимались фиктивными покупками драгоценностей от ПСК и их дальнейшей перепродажей, главным образом английским покупателям.

Англичане иногда обставляли покупку так, чтобы серебряные предметы им продавали не как произведения ювелирного искусства, а как «серебряный лом». Как писали недоброжелатели Врангеля, по этой причине на улицах Белграда нанимали безработных русских офицеров-беженцев и посылали их в Котор разбивать там молотками серебряные чайники, подносы, настольные часы и вазы, выбрасывая при этом в отходы стекло, эбеновое дерево, слоновую кость и часовые механизмы*****. Странники Врангеля энергично протестовали против таких сплетен и наговоров. Так, например, князь П. Долгоруков в одной из статей опровергал утверждения Шелеста, который обвинял

* Г. Начальнику Финансовой части. Белград, 19 июля 1921 г. № 745 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

** Руссосерб. 28.6.1922. (Hoover, Wrangel coll. 154/58); Так же Латинчић Олга, Ракочевић Бранка. Эмигранти из Москве у Београду — привредници и уметници. С. 65–79.

*** Архив Српске академије наука и уметности, Историјска збирка, заоставштина Јакова М. Хлытчијева, бр. 14.620 (несређена грађа).

**** Латинчић Олга, Ракочевић Бранка. Эмигранти из Москве у Београду — привредници и уметници. С. 65–79.

***** По примеру красных. Агенты Врангеля распродают вклады петербургской ссудной казны // Последняя Новости. № 693. Париж, 22.7.1922; Так же: [К. А.] Серебряныя операции Врангеля // Дни. № 195. Берлин, 23.6.1923.

«врангелевых агентов»*. Но противостоявшая сторона ответила, что, исходя из его служебного статуса (князь был начальником «отдела пропаганды» при штабе генерала Врангеля), его опровержения, не сопровождаемые конкретными данными, не могут быть достоверными**. В дополнение к тому опровержения князя Долгорукова были ослаблены и одним анонимным письмом. В нем он вместе с некими Шмитом и Цаконием именовался «первым звеном фиктивных покупателей драгоценностей ПСК»; эти предметы от них затем покупал «Руссосерб — покупатель второго звена», и только потом предметы продавались англичанам***. Такие комбинации преследовали двойную цель: увеличивалась стоимость драгоценностей и удовлетворялось желание английских покупателей «ничего не знать» о происхождении товара. Упомянутые Шмит и Цакони, вероятно, были те самые В. П. Шмит и А. И. Цакони — соавторы служебного финансового отчета о расходовании сумм, вырученных от продажи просроченных залогов Петроградской ссудной казны****.

Изучая историю происхождения драгоценных предметов Петроградской ссудной казны, продаваемых и покупаемых под тем или иным предлогом, понятно и желание английских торговцев «ничего не знать» об их происхождении. Лица, сдававшие предметы в залог или на депозит в ПСК, принадлежали главным образом к состоятельному слою петроградского общества. Петроград был одним из крупнейших центров производства драгоценных серебряных изделий Российской империи; достаточно упомянуть известные во всем мире фирмы поставщиков императорского двора — Овчиникова, Сазикова, Хлебникова, братьей Грачевых, не говоря уже о Фаберже, у которого кроме российских филиалов (Москва, Одесса) с 1903 года был и филиал в Лондоне*****.

Одна из техник изготовления серебряных предметов — с перегородчатой и заливной эмалью, а в особенности с витражной эмалью, была усовершенствована с конца XVIII до начала XX столетия в России настолько, что изделия отличались изумительной красотой. Совершенно неправдоподобно, что такие предметы в Которе предварительно разбивали «на серебряный лом» и грузили их в английские

* Шелест А. Операции с Ссудной Казной // Последние Новости. № 942. Париж, 18.5.1923 г.

** [К. А.] Серебряные операции Врангеля // Дни. № 195. Берлин, 23.6.1923.

*** О поступках Петроградске заложне банке и филијале Руске државне банке у Котору (Hoover, Wrangel coll. 155/59).

**** В. П. Шмит, Н. Н. Львов, граф А. И. Уваров, А. И. Цакони «Отчет финансово-контрольного Комитета об израсходовании сумм, вырученных от продажи просроченных залогов Петроградской Ссудной Казны» (Hoover, Paleolog coll. 027/42).

***** Verzeichniss der Russischen gold- und silbermarken, Slavisches Institut, München, 1971. 67.

корабли; возможно, так случалось с некоторыми менее ценными предметами с целью «удовлетворения формальностей» договора, но без сомнения, драгоценные изделия, которые представляло большинство закупленного товара, английские торговцы — «поклонники моральных принципов» — покупали по весу. Такие предметы, конечно, всплывали в Англии с реальными ценами на антикварном рынке. Порой даже и в Белграде в комиссионных лавках появлялись русские серебряные изделия необыкновенной красоты*.

В отчете Финансового управления штаба генерала Врангеля как один из важнейших деловых партнеров «Руссосерба» упоминается английская фирма Wisham, Higgs & Co. Она была отмечена как кандидат на приобретение всего, что находилось в ведении ПСК. С целью предупреждения вмешательства «Парижа» (Совета российских послов) в ту сделку проект надлежало держать в строгой тайне от российского посла Штрэндмана**. Сам проект в конце концов провалился, но дела, связанные с ним, свидетельствуют о недоверии между сторонниками Врангеля с Штрэндманом и кругом русских политиков, близких к Совету российских послов.

В августе 1922 года, загребская газета «Večernja Pošta» писала о грузе от 40 тыс. кг золота и серебра, выкупленном английским судовладельцем Томасом Вильсоном из Hull-а, погруженном на пароход «Поло» в Которе***. Эти данные подтверждаются и документами штаба генерала Врангеля****. Эта транзакция даже вызвала беспокойство в самом Которе, чей градоначальник препятствовал погрузке*****, а по приказу таможенного управления которская таможня на некоторое время запретила работу ПСК и опечатала ее склады6*.

Противники генерала Врангеля использовали одну из продаж, чтобы подчеркнуть в газетной статье, что агенты Врангеля распродают не только залоговые, но даже депозиты ПСК7* голландцам,

* [К. А.] Серебряные операции Врангеля // Дни. № 195. Берлин, 23.6.1923.

** Господину Начальнику Финансовой части (елаборат). Белград, 19 июля 1921 г., № 745 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

*** 40 hiljada kg. zlata i srebra. Blago ruskih izbjeglica — Odvezli ga Englezi — Delegat Ministarstva Financija požuruje izvoz // Večernja pošta, № 341, Zagreb, 23.8.1922; Также: Rusko zlato i srebro // Večernja pošta, № 342, Zagreb, 24.8.1922.

**** Договор о продаже партии серебра. 28.6.1922 (Hoover, Wrangel coll. 154/58).

***** Ссудная Казна — Русско-Славянский банк — Руссосерб. 21.3.1921. и 19.5.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

6* Телеграмма: Ссудная Казна, Цакони — Д. Балабанову. Русское Посольство. Белград, 9.8.1922 (Hoover, Wrangel coll. 154/58).

7* По примеру красных. Агенты Врангеля распродают вклады петербургской ссудной казны // Последняя новость. № 693. Париж. 22.7.1922.

американцам и французам*. Официальные данные командования Врангеля утверждали, что речь идет исключительно о продаже давно просроченных залогов**. Это подтверждается и сообщением Штрандмана (а в нем ни в коем случае нельзя заподозрить друга генерала Врангеля) Гирсу***. Сомнения о «разных спекуляциях» в продаже «золота и драгоценностей <...> стоимость которых минимум 800 000 000 золотых рублей» выразила и ведущая сербская газета — белградская «Политика», недоумевая, почему правительство Королевства не издало никакого официального документа, не считая устного сообщения министра финансов Косты Кумануди о том, что продажа и экспорт драгоценностей позволены, поскольку вырученная сумма должна быть заплачена Национальному Банку Королевства СХС в валюте, а ее стоимость будет позже выплачена в динарах****.

Сколько таких сделок было до 1923 года? Судя по всему, по крайней мере четыре. В одной из первых речь шла о продаже 7000 кг серебряных монет Русского Государственного Банка*****, а было выручено немного более 10 тыс. фунтов стерлингов^{6*}. Следующая операция касалась экспорта в Австрию 1120 предметов при посредничестве «Руссосерб» (713 серебряных, 311 золотых с драгоценными камнями и 96 из недорогих металлов), оцененных в 32 174 500 австрийских крон (6435 фунтов стерлингов)^{7*}. Третья транзакция состоялась в октябре 1921 года. Тогда «Руссосерб» известил ПСК, что к предметам, предложенным к продаже и осмотренным в Которе, нет особого интереса покупателей, за исключением четырех крупных бриллиантов (два в 17,5 каратов каждый, один в 3,5 и один в 3 карата). Все же, вопреки небольшому интересу к драгоценностям, тогда было выручено 4500 фунтов стерлингов^{8*}.

* Священная собственность. Из последних походов генерала Врангеля // Накануне. № 93. Берлин. 23.7.1922.

** Шмит В. П., Львов Н. Н., граф Уваров А. И., Цакони А. И. Отчет финансово-контрольного Комитета об израсходовании сумм, вырученных от продажи просроченных залогов Петроградской Ссудной Казны (Hoover, Paleologue coll. 027/42).

*** В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу, 25.8.1922 г. № 21 (Hoover, Girs coll. 47/5).

**** Злато из Русије // Политика. № 5156. Београд, 1.9.1922.

***** [К. А.] Серебряные операции Врангеля // Дни. № 195. Берлин, 23.6.1923; Также: Ссудная Казна — продажа серебряной монеты. 18.3.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/57); и: Ссудная Казна — Руссосерб. 13.7.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

^{6*} Ссудная Казна — Руссосерб — Русско-Славянский Банк. 21.3.1921. и 19.5.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

^{7*} Ссудная Казна — Руссосерб. 2.10–5.10.1921 (Hoover, Wrangel coll. 157/57).

^{8*} Руссосерб — Ссудной Казне. 17.10.1921, и 1.11.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

Самая крупная, четвертая, продажа прошла в 1922 году. Тогда было продано 40 тыс. кг серебра и золота*.

Трудно сказать, были ли другие продажи. Имеются данные о продаже драгоценностей из числа военных добыч армии Юга России, посланных вместе с ПСБ и охраняемых в Которе, оцененных на сумму 10 тыс. до 15 тыс. фунтов стерлингов**, и о нескольких мелких продажах через «Руссосерб»***. Официально была упомянута сумма в размере 110 тыс. фунтов стерлингов, или 37 500 тыс. динар, но не известно, вся ли это сумма, или только сумма одной продажи****.

Любопытно, что в российской эмигрантской печати развернулась полемика между сторонниками и противниками генерала Врангеля: как утверждали его противники, была четвертая продажа*****, но сторонники Врангеля защищали ее как полностью законную. Но при этом ничего не сообщали о предыдущих продажах, а о них все-таки сохранились некоторые данные. Они утверждали, что 36 725 251,60 динар истрачено на помощь российским военным эмигрантам, а 12 917 фунтов стерлингов задержано в пользу залогодателей в случаях разницы между вырученной суммой и суммой их долга6*.

Возможно ли вообще уточнить, сколько драгоценностей продано и сколько денег выручено? На основании известных нам данных это невозможно точно определить. Во всяком случае, известно, что «Руссосерб» продавал англичанам так называемый «серебряный лом на сплав» за цену на 33 % ниже, чем были цены на мировом рынке7*. Глядя на удручающий финансовый кризис армии генерала Врангеля и упоминая, что сумма, задержанная в пользу залогодателей, «слишком высока», было принято решение изъять

* Справка Ссудной казны. 11.8.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/57); 40 hiljada kg zlata i srebra. Blago ruskih izbjeglica — Odvezli ga Englezi — Delegat Ministarstva Financija požuruje izvoz // Večernja pošta. № 341. Zagreb, 23.8.1922.

** Л. Ломейер — Господину начальнику финансового отделения (барону Тизенгаузену). 30.6.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

*** Руссосерб — Ссудной Казне. 4.3.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

**** Шмит В. П., Львов Н. Н., граф Уваров А. И., Цакони А. И. Отчет финансово-контрольного Комитета об израсходовании сумм, вырученных от продажи просроченных залогов Петроградской Ссудной Казны. (Hoover, Paleolog coll. 027/42).

***** [К. А.] Серебряныя операции Врангеля // Дни. № 195. Берлин, 23.6.1923.

6* Шмит В. П., Львов Н. Н., граф Уваров А. И., Цакони А. И. Отчет финансово-контрольного Комитета об израсходовании сумм, вырученных от продажи просроченных залогов Петроградской Ссудной Казны (Hoover, Paleolog coll. 027/42).

7* Ссудная Казна — цены серебра в 1921 году (Hoover, Wrangel coll. 154/58).

из нее 3 500 000 динар «на нужды армии в Болгарии и Сербии», а залогодателям оставить 2 500 000 динар*.

Кроме упомянутой суммы в 37 млн динар, вырученных от всех операций, существует и одно неофициальное свидетельство, не подкрепленное документально: Ю. Сербин опубликовал в 1955 году в Буэнос-Айресе данные о том, что организация генерала Врангеля «заработала 70–80 млн динар (приблизительно 4 млн американских долларов), а при этом была продана только маленькая часть ПСК»**. У меня нет возможности проверить достоверность этих данных. Но во всяком случае, недоумение вызывает тот факт, что в Белград в декабре 1923 года из Котора прибыло всего 40 % числа ящиков с драгоценностями ПСК***. Поскольку Сербин утверждал, что в Которе продана «маленькая часть» ПСК, то возникает вопрос: куда тогда делось 60 % числа ящиков, прибывших в 1920 году транспортом из России в Котор?

Следует отметить, что критика конфискованных продаж драгоценностей ПСК без торгов была обоснованной. Правило Казны указывало, что просроченные залоги обязательно должны быть продаваемы путем открытых торгов, а не так, как это делали распорядители****. Штрандман обнаружил, что барон Тизенгаузен, финансовый агент российской миссии в Белграде, который должен был заботиться о государственных средствах, находящихся в фонде ПСК, был впутан во «многие издержки в управлении и организации». Вследствие этого Штрандман уволил барона Тизенгаузена с поста финансового агента миссии и отобрал у него дипломатические документы, возвратив их министерству иностранных дел Королевства СХС. Он в то же время отказался принять отставку Тизенгаузена и на его должности в ПСК. Этим жестом Штрандман желал подчеркнуть отсутствие официальных связей российской миссии с ПСК. В итоге Штрандман предложил передать ПСК в ведение Королевского правительства СХС*****. Гирс согласился с ним в отношении к Тизенгаузену и подчеркнул, что Тизенгаузену отставку от должности в ПСК следует подать тем, кто его туда и назначил (т. е. штаб и правительство генерала Врангеля). Гирс подчеркнул, что если бы Штрандман согласился принять отставку Тизенгаузена, видя ошибки в деятельности ПСК, это означало бы, что российская

* Протокол Совещания старших начальников Русской армии и представителей сметно-распорядительной комиссии и финансово-контрольного Комитета при Главнокомандующем. Белград, 20 января 1923 (Hoover, Wrangel coll. 108/10).

** *Сербин Ю.* За правду. № 317. Буэнос Айрес, 8 окт. 1955.

*** 27-й Протокол (содержание транспорта Петроградской Ссудной Казны). Перевод. Составлен 7.12.1923. Белград (Hoover, Girs coll. 47/7).

**** [К. А.] Серебряныя операции Врангеля // Дни. № 195. Берлин, 23.6.1923.

***** В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу. 5.3.1923. № 359 (Hoover, Girs coll. 47/6).

дипломатия берет на себя ответственность за издержки в работе ПСК*. В конце концов барон Тизенгаузен был уволен и с должности финансового агента организации генерала Врангеля, но отнюдь не вследствие его плохой работы в ПСК, а вследствие «его финансовых ошибок в Русско-Славянском банке», в управлении которого он тоже участвовал**. Возрастание возмущения ошибками в работе ПСК в среде российских эмигрантов привело к решению правительства Королевства опечатать склады ПСК в Которе и к организации переписи всех драгоценностей, находившихся на них к 1923 году. Об этом Штрандман немедленно известил Гирса***. Вопреки тому, что правительство Королевства СХС этим своим решением нарушило первоначальный договор с Правительством Юга России (предметы ПСК вошли на территорию Королевства как «товары в транзите»****), Штрандман не протестовал, потому что он сам предложил такое решение. Он только попросил министра иностранных дел Королевства Нинчичу не забывать о необходимости защищать интересы залогодателей и депонентов. Нинчич посоветовал Штрандману обратиться к министру финансов. В своем разговоре с Нинчичем Штрандман обратил его внимание и еще на одно тревожное обстоятельство: он узнал, что большевистское правительство активно заинтересовалось вопросом драгоценностей ПСК и что его представители в Лондоне устанавливают контакты с одной английской фирмой, предлагая продать ей серебряные предметы, «находящиеся в одном адриатическом порту» (о чем Штрандман предварительно информировал и Гирса)*****.

Еще один, даже более обеспокоивающий факт Штрандман не затрагивал в разговоре с Нинчичем — ему стало известно, что одному из недовольных депонентов ПСК, который жаловался министерству финансов Королевства на то, что их секвестрация не позволяет ему доступ к его собственности, получил ответ, что «генерал Врангель уже продал одну часть ПСК, и что остаток будет возвращен законному правительству России»^{6*}. Штрандман опасался, что после признания большевистского правительства Францией это немедленно сделает и Королевство СХС. Его опасение было обосновано, и министр иностранных дел Нинчич искренне верил «в русский патриотизм и сла-

* М. Н. Гирс — В. Н. Штрандману. 15.8.1923. № 695 (Hoover, Girs coll. 47/7).

** Ссудная Казна — Русско Славянский Банк. Ноябрь 1924 (Hoover, Wrangel coll. 152/46).

*** В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу. 10.7.1923 г. № 1053 (Hoover, Girs coll. 47/6).

**** В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу. 25.8.1922 г. № (Hoover, Girs coll. 47/5).

***** В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу. 10.7.1923 г. № 1053 (Hoover, Girs coll. 47/6).

^{6*} В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу. 10.7.1923 г. № 1053 (Hoover, Girs coll. 47/6).

вянский идеализм большевистского комиссара иностранных дел Черина». Поэтому Шtrandман просил Гирса позволить ему передать правительству Королевства ноту, в которой будет подчеркнуто, что ПСК является предметом интересов «всей российской эмиграции». Между тем министерство финансов в Белграде оформило комиссию под председательством члена Государственного Совета М. Радивевича, которая в присутствии представителя российской миссии и представителя ПСК будет работать над переписью содержания драгоценностей в складах ПСК в Которе*.

В январе 1924 года, Шtrandман известил Гирса о том, что драгоценности ПСК с персоналом прибыли в Белград, но что нет средств для обеспечения персонала жалованьем. Поэтому он просил Национальный Банк Королевства одобрить ежемесячный кредит в 18 500 динар под залог 4 кг «золотого лома», собственности ПСК**.

Все активы ПСК остались замороженными до начала 1925 года. На основании решения Совета министров Королевства СХС в январе 1925 года были опубликованы условия дальнейшей работы ПСК в виде отдельной брошюры***. Важнейшие положения состояли в том, что получатель залога или депозита должен был предоставлять представителю ПСК, или Российского Государственного Банка документы, подтверждавшие его права. Они пересылали эти документы юридическому представителю при государственной комиссии министерства финансов королевства. После изучения представленных документов референт направлял отчет государственной комиссии королевства, а она после этого объявляла свое решение о выдаче или невыдаче затребованного предмета. Владелец залога должен был выплатить долг за залог, проценты за хранение, а депозитор должен был выплатить только проценты за хранение. Кроме того, и залогодатель, и депозитор должны были заплатить 9% оцененной стоимости предмета (стоимость транспорта из России в Котор и из Котора в Белград). Правила предусматривали, что эти активы будут действовать в течение следующих 6 месяцев (до 17 июня 1925 года). Предполагалось, что до того срока все заявки будут удовлетворены****.

Число тех, чьи заявки на получение залогов осталось неизвестным нигде не упоминается, но можно предположить, что их было

* 16-й Протокол. Перевод. К № 4. Белград, 1923 г. (Hoover, Girs coll. 47/7).

** В. Н. Шtrandман — М. Н. Гирсу. 19.1.1924 г. № 61 (Hoover, Girs coll. 48/1).

*** Правилник за издавање залога и депозита из Петроградске заложне банке и Руске државне банке, које су из Русије преко Котора пренете и налазе се у Београду сходно решењу Министарског савета Пов. бр. 72, од 3, септембра 1924, године. Београд, 1925.

**** Објављеније в газете: Корреспондент Петроградске Ссудной Казны, Шумадијски Кредитни Банк, Босанска ул. 81, собств. дом, Белградско отделение... Руски Отдел... Принимает на себя поручения... // Наше будущее. № 1 (11). Белград, 1925.

очень мало. Во всяком случае, после объявления в печати о решении правительства в стране и за границей появились объявления об условиях получения драгоценностей. Это привело к появлению своеобразного рынка посреднических услуг и купли-продажи удостоверений о депозитах/залогах. Появились и частные предприниматели — «комиссионеры». Один из них был уже известный нам граф А. И. Уваров. В этих делах он воспользовался своим постом члена Финансово-контрольного комитета штаба генерала Вранеля*.

В мае 1925 года Штрандман писал Гирсу, что правила для выдачи драгоценностей очень строги и что государственная комиссия не делает никаких исключений, ни продления установленного срока**. В этом докладе он известил Гирса и о том, что белградская газета «Политика», которая «очень близка с министерством иностранных дел королевства», опубликовала телеграмму заместителя советского комиссара иностранных дел Литвинова министру иностранных дел королевства Момчилу Нинчичу, в которой от имени правительства СССР был выражен протест по поводу отказа правительства Королевства СХС выдать советскому правительству драгоценности Петроградской ссудной казны***.

В статье «Политики» был намек на то, что ответа не будет, а даже если и будет, то в нем будет сказано, что утверждения Литвинова неуместны, потому что правительство королевства СХС считает

* Шмит В. П., Львов Н. Н., граф Уваров А. И., Цакони А. И. Отчет финансово-контрольного Комитета об израсходовании сумм, вырученных от продажи просроченных залогов Петроградской Ссудной Казны (Hoover, Paleolog coll. 027/42).

** В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу. 17.5.1925. № 641 (Hoover, Girs coll. 48/3).

*** Совјетска влада тражи повратак имовине Петроградске Заложне Банке // Политика. № 6125. Белград, 14.5.1925 г.: «Вашей телеграммой от 22.2.1923 г. вы известили комиссариат иностранных дел, что ваше правительство решило оформить Комиссию хранения драгоценностей Петроградской Ссудной Казны. Частные лица и банки в России сейчас получают от югославских банков проспекты. Из этих сообщений происходит, что 17 июля окончательный срок выдачи залогов и депозитов. Правительство СССР констатирует, что, приняв драгоценности Петроградской Ссудной Казны, правительство Королевства СХС приняло и ответственность за сохранение этих драгоценностей. Поэтому Советское правительство считает односторонним действием все меры, которое ваше правительство предприняло в отношении к этому имуществу и к сроку выдачи. Категорически требуя возвращения драгоценностей Петроградской Ссудной Казны, Советское правительство и впредь продолжает считать Королевское правительство непосредственно ответственным за сохранение этого имущества, констатируя отсутствие каких-либо законных оснований за меры, предпринятые по отношению к этому имуществу, и в противном случае задерживает права требования от своего, и от имени граждан Союза Советских Републик возмещения убыли за потери. № 4192. Заместитель Комиссара иностранных дел Литвинов».

драгоценности ПСК частным имуществом, а не имуществом, национализированным советским правительством.

По истечении шести месяцев ПСК была снова поставлена под секвестр. Но несколько позже министерство финансов все-таки продлило срок выдачи залогов и депозитов до 16 июля 1926 года*. В течение периода секвестрации в Белграде снова появились некоторые влиятельные личности российского эмигрантского истеблишмента. Видную роль в происходивших событиях играл граф Уваров. Он в июне 1926 года обратился к генералу Врангелю, который тогда уже проживал в Брюсселе, с тревожным известием о том, что в неблагоприятном случае существует возможность распродажи остатков имущества ПСК королевским правительством, что оно может решить передать советскому правительству доходы от продажи. Уваров выразил желание «эти средства в эти трудные времена передать в распоряжение верховному командованию генерала Врангеля». Но вопреки безнадежным финансовым обстоятельствам, генерал Врангель категорически отказался от участия в каких-либо комбинациях Уварова. Он подчеркнул, что, не желая вреда хозяевам драгоценностей, он еще в 1922 году не позволил продать имущество ПСК, и не позволил использовать его имя в каких-либо махинациях**. В корреспонденции для внутреннего пользования он называл Уварова «дураком» и писал: «...с таким посредником, каким является граф Уваров, целое дело Петроградской ссудной казны не только что не останется безрезультатным, но может даже окончиться и громадным скандалом»***.

Не преуспев в этой своей аванюре, граф Уваров на некоторое время утих, но после смерти генерала Врангеля продолжал попытки как-нибудь добраться до остатков достояния ПСК.

В начале 1927 года секвестр снова сняли. Правление ПСК оповестило через газетные объявления о том, что законные владельцы ценностей не будут иметь «никаких препятствий получать свои предметы после выплаты необходимых взносов»****. Слухи о том, что драгоценности из ПСК будут переброшены куда-то за границу, были опровергнуты. Внимание читателей обращалось на то, что все средства, вырученные от продажи залогов «и остальных драгоценностей», отданы в 1922 году финансовому управлению генерала Врангеля, «которое себя сейчас называет финансово-контрольным кабинетом».

* В. Н. Штрандман — М. Н. Гирсу. 31.12.1925. (без №) (Hoover, Girs coll. 48/3).

** Генерал Врангель — Н. Н. Чебышеву. 24.6.1926, № 2099/с (Hoover, Wrangel coll. 151/42).

*** Ген. Врангель — «Дорогому Николаю Николаевичу... (Чебышеву)?». 6.4.1926 и 13.4.1926, № 2087/с. и 2092/с (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

**** Управа Петроградского Заложного Банка — О Петроградской Ссудной Казне // Россия. № 21. Белград, 30.1.1927 г.

Было подчеркнуто, что ПСК с кабинетом не имел никаких связей и что тот кабинет до 1 февраля будет выплачивать законным хозяевам проданных залогов возможную положительную разницу от сумм, вырученных в ходе продаж, после вычета их долга и прибавочных 15%*.

Граф Уваров, видный член финансово-контрольного комитета в Белграде, между тем оформил «Общество для сохранения частной собственности». По мнению С. Н. Палеолога, русского члена Государственной комиссии королевства СХС по оказанию помощи русским беженцам и известного консервативного общественно-го деятеля российской эмиграции, то Общество являлось лишь ширмой для махинаций**. В эмиграции граф Уваров опустился до сомнительных комиссионерских авантюр и подпал под большое влияние пресловутого Константина Чабовского, «темного дельца Чабовского», Алиаса Петра Чичарова. В 1921 году общая полиция Белграда сослала Чабовского в городок Горњи Милановац, а потом, в 1928 году, в Велико Градиште, за «подделку документов и контрабанду»***. Свою «славу» Чабовский заслужил, будучи одним из главных сподручных в мошенничестве российского консула Емельянова в 1921 году****. После возврата в Белград Чабовский вошел в состав «Общества» графа Уварова. В своем лоббировании в министерстве финансов Уваров ловко использовал расположение к себе и рекомендации великого князя Николая Николаевича. Имя

* Использование выражения «и остальных драгоценностей», возможно, выражало не прямое признание в том, что кроме законной продажи просроченных залогов продавали и остальные драгоценности.

** С. Н. Палеолог — С. Е. Крижановском и князю Н. Л. Оболенском. 30.11.1928 г. № 3156 (Hoover, Paleolog coll. 27/43).

*** Уверье Опште полиције Управе града Београда Краљевине СХС. № 11110, од 20.11.1928, године (Hoover, Paleolog coll. 27/43).

**** Российский консул в Белграде Емельянов, сотрудничая с Чабовским в организации кражи средств финансовой помощи правительства Королевства СХС российским беженцам. Емельянов в качестве консула имел право выдавать виды на жительство (*attestation de vie*) российским эмигрантам, запрашивавшим помощь. Мошенничество было обосновано на принципе «мертвых душ» и фиктивных личностей. Пользуясь видами на жительство на имя умерших или фиктивных лиц, сотрудники Емельянова успели украсть 2 млн динар. Непосредственно накануне разоблачения этого дела Емельянов убежал в Румынию. Некоторые из его поделщиков, в т. ч. и Чабовский, были разоблачены, но во избежание громадного скандала и судебного процесса их только выдворили из Белграда, а сербский и российский эмигрантский истеблишменты умолчали о том деле. Белградская русская газета «Русь» (Дело Емельянова // Русь. № 2. Белград 1921 г.) осуждала это дело и требовала решительных мер, но как раз тот номер был изъят и запрещен, а редактору — собственнику, А. Суворину, было сказано, что если и дальше будет настаивать на деталях, то будет изгнан из страны.

великого князя, как старшего члена дома Романовых и бывшего главнокомандующего русскими войсками в Первой мировой войне, имело значительное влияние в Белграде. Палеолог приходил в ужас от возможности получения Уваровым контроля над ПСК. Это, несомненно, подорвало бы и репутацию великого князя. Для осуществления своих планов Уваров нуждался и во влиянии Палеолога, верного сторонника великого князя. Палеолог решительно отказал дать Уварову удостоверение о том, что «граф Уваров в течение всей своей эмигрантской жизни не был членом ни одной эмигрантской организации, никогда не вел никаких дел с эмигрантскими средствами и является личностью, достойной полного доверия»*.

Уваров и Чабовский не были одиночками в своих попытках. После долгого отсутствия сведений о судьбе ПСК (она главным образом находилась под секвестром) в 1938 году появилась интересная информация в письме Владимира Христиановича Даватца, математика, члена Русского научного института в Белграде, сторонника и историка движения генерала Врангеля его коллеге по Институту видному экономисту и политику Петру Бернгардовичу Струве в Париж**. Даватц писал о том, что в Белграде арестовали двоих чиновников ПСК: Гензеля и Квешинского. Им удалось с («тогда уже покойным») Шелестом получить совместно с «Сербско-русской комиссией» право распоряжаться драгоценностями ПСК. Похоже, проект Уварова все-таки, хоть и косвенно, имел успех. Во всяком случае, та «Сербско-русская комиссия» в продолжение нескольких лет ведала делами ПСК и, как саркастически выразился Даватц¹, «успешно совершила» свою операцию.

После ареста Гензель сознался в многомиллионной (в динарах?) растрате. По городу ходили слухи, что на его заграничном банковском счете было обнаружено 2 млн (из текста письма Даватца неясно, в какой валюте). Особый судебный следователь был отослан в Лондон и в Париж изучить приходные документы нескольких известных ювелиров. В том деле была замешана и известная белградская комиссионная лавка Григория Григорьевича Миткевича***. Его аре-

* С. Н. Палеолог — С. Е. Крыжановскому. 5.12.1928 г. (Hoover, Paleolog coll. 27/43).

** В. Х. Даватц — П. Б. Струве. Париж, письмо 3.9.1938 г. (Hoover, Struve coll.).

*** Российские эмигранты иронично называли его за глаза «Гришка Филантроп», потому что он был бессовестным обдиралой, за гроши выкупающим от бедствующих беженцев их последние драгоценности, но очень дорожил своей «репутацией высокочтимого христианина». Он был известным представителем партии «Федерация Союзов Русских Трудящихся Христиан» (РТХД) в Белграде. Позже, во время германской оккупации Югославии, выяснилось, что он был и сотрудником гестапо.

ставали, но через несколько дней он опять беззаботно прогуливался по улицами Белграда*.

Очень трудно дать определенный ответ на вопрос о точном количестве драгоценностей, находившихся в транспорте ПСК, прибывших в Королевство СХС. В обнаруженных документах есть лишь неполные данные. Иногда речь идет только о числе ящиков, редко и только частично об их содержимом, а данные о весе ящиков и находившихся предметах в них исключительно редки. В печати того времени писали главным образом только об их «громкой ценности». Желая хоть приблизительно определить количество и вес драгоценностей, мы вынуждены искать опору в предположениях, основанных на частичных данных.

Первые известные сведения говорят о том, что речь шла о «приблизительно 25 вагонов»**. Кроме того, уволенный чиновник ПСК, А. Шелест, приводил конкретные цифры***, и это дает возможность составить следующую таблицу (табл. 1):

Табл. 1. Количество ящиков (всего 1265) и их содержимое при прибытии****

Год	Банк/коллекция	Количество ящиков	Содержимое
1920	Все	Приблизительно 25 вагонов	Разные драгоценности
1920	ПСК	580 ящиков	Депозиты (в т. ч. и Русского музея)
	ПСК	700 ящиков	Залоги (22 300 штук)
	Русский Государственный Банк	283 ящиков	Государственные средства, частные депозиты, залоговые, судебные депозиты
	Киевский комитет	55 ящиков	Старинные иконы, золото, серебро XVI–XVII вв.

Интересно отметить, что эти данные не противоречат в значительной степени закрытым данным сподвижников генерала Врангеля. В одном из документов***** сообщается, что в Которе, в транспорте ПСК, в депозите Русского музея императора Александра III находилась «уникальная, очень редкая коллекция русских медалей,

* В. Х. Даватц — П. Б. Струве. Париж, письмо 3.9.1938 г. (Hoover, Struve coll.).

** Нератов А. А. — В. Н. Штрандману. 27.5.1920, № 190 (Hoover, Girs coll. 47/1).

*** Шелест А. Операции с Ссудной Казной // Последняя Новости. № 942. Париж, 18.5.1923 г.

**** В. Х. Даватц — П. Б. Струве. Париж, письмо 3.9.1938 г. (Hoover, Struve coll.).

***** Содержание Ссудной Казны. 11.8.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/58).

представляющая огромную научную и художественную ценность». При выборочном вскрытии тех ящиков в ноябре 1921 года, было обнаружено, что в них находилась коллекция русских исторических медалей и монет послепетровского периода, большинство из которых были в нескольких экземплярах. В ящиках той коллекции (великого князя Георгия Михайловича) не обнаружено ни переписи, ни каталога коллекции, ценность которой могли бы правильно оценить лишь эксперты. Она находилась в четырех ящиках общим весом около 500 кг* (стало быть, средний вес одного ящика 125 кг).

Если в транспорте ПСК находилось около «25 вагонов» с 1618 ящиками (в среднем около 65 ящиков в вагоне), а грузоподъемность вагона 10 тонн (значит, всего в транспорте было до 250 тонн драгоценностей), то средний вес каждого из 1618 ящиков должен быть 154 кг. Поскольку в ящиках в основном содержали металл (серебро, золото), вес ящика от 154 кг кажется реальным, как и предположительный вес всего транспорта, прибывшего в июне 1920 года в Котор: до 250 тонн («военные склады на Бенове») кажется реальным. Интересно отметить, что факт существования этого клада на территории королевства стал известен общественности лишь два года спустя, в 1922 году**.

В ноябре 1923 года министр финансов королевства приказал прекратить уже начатую перепись содержания всех ящиков и переправить все содержимое складов в Белград. До той поры было просмотрено всего 215 ящиков, общим весом 8 193 640 кг*** (средний вес ящика 38 кг). Число ящиков в сопоставлении с их весом вызывает некоторое недоумение. Предварительное предположение на основании 250 тонн и 1618 ящиков и веса 154 кг каждого ящика противоречит этой цифре, а с другой стороны, имеются данные, что средний вес ящика из коллекцией медалей был 125 кг.

Драгоценности ПСК были перевезены на пароходе «Салона» в порт Бакар**** и оттуда по железной дороге в Белград, куда транспорт прибыл в полночь 3 декабря 1923 года*****. В Белград было доставлено всего 657 ящиков с драгоценностями^{6*}. Известно, что в Котор привезли 1618 ящиков. Значит, в Белград прибыло на 961 (60%) ящик меньше. Известно также, и что в Которе было продано не менее 40 тыс. кг

* Ссудная Казна. Справка о случайной находке. 21.6.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/57).

** 40 hiljada kg zlata i srebra. Blago ruskih izbjeglica — Odvezli ga Englezi — Delegat Ministarstva Financija požuruje izvoz // Večernja pošta. №. 341. Zagreb, 23.8.1922; Rusko zlato i srebro // Večernja pošta. №. 342, Zagreb, 24.8.1922.

*** 16-й Протокол. Перевод. Белград, 1923 г. (Hoover, Girs coll. 47/7).

**** В. Н. Штрайдман — М. Н. Гирсу. 15.2.1923, Но 1819 (Hoover, Girs coll. 47/7).

***** 27-й Протокол. Перевод. Сост. 7.12.1923. Белград (Hoover, Girs coll. 47/7).

^{6*} 27-й Протокол. Перевод. Сост. 7.12.1923. Белград (Hoover, Girs coll. 47/7).

серебра и золота*. Кроме этого, продано и 7000 кг серебряных монет Русского государственного банка**, и, добавляя к этому неизвестное количество проданных и похищенных драгоценностей, скажем, условно 3000 кг, получаем вес от 50 тыс. кг. Поделив этот вес (50 тыс. кг) на количество недостающих ящичков (961 ящик), получаем средний вес одного ящика 52 кг. Отбросив два предельных веса (38 кг и 154 кг) и глядя на вес ящичков (52 кг и 125 кг), получаем самый вероятный средний вес драгоценностей — 88 кг в каждом ящике.

Если в Белград прибыло 657 ящичков, то их совокупный вес был 57 816 кг (657 ящичков по 88 кг), или приблизительно шесть вагонов. Оценивая вес недостающих ящичков (961 ящичков по 88 кг) 84 568 кг, можно подсчитать, что приблизительный вес всего транспорта, прибывшего в Котор из России, был 142 384 кг, т. е. 15 вагонов. Из этого можно сделать вывод, что первоначальная российская информация о транспорте, состоявшем из 25 вагонов, очевидно, не была реальной.

Интересно рассмотреть и противоположные по сути утверждения сторонников и противников Врангеля о том, что именно продавали в Которе до 1923 года: просроченные залоги (официальное утверждение), или и остальные драгоценности, которые ни в коем случае нельзя было продавать?

Оценивая все привезенные драгоценности***, видно, что только залогов в ПСК было 700 ящичков (22 300 залогов). Трудно предположить, что все залогов были проданы (не все были просрочены). Известно, что продали 40 тыс. кг серебра, т. е. 455 ящичков (455 по 88 кг). Кроме того, продали и 7000 кг серебряных монет, т. е. 80 ящичков, а возвратили залогодателям по крайней мере 10 ящичков непросроченных залогов. Вместе это составляет примерно 545 ящичков. Но в Белград прибыло только 657 из 1618 ящичков с драгоценностями. Из недостающего 961 ящика, мы подсчитали, что продано 545. Но как объяснить пропажу недостающих 416 ящичков (36 608 кг) драгоценностей? Известно, что в Которе произошло несколько краж, — но это никак не может объяснить эту громадную разницу.

Итак, приходим к выводу, что в Которе было гораздо больше продаж драгоценностей, чем нам известно, и что, очевидно, продавали не только просроченные залогов, как утверждалось официально, но и депозиты, срок которых не истек. Интересно, что в 1930-х годах больше не упоминалась коллекция исторических медалей и монет

* 40 hiljada kg zlata i srebra. Blago ruskih izbjeglica — Odvezli ga Englezi — Delegat Min. Financ. Požuruje izvoz // Večernja pošta. №. 341. Zagreb, 23.8.1922.

** [К. А.] Серебрянные операции Врангеля // Дни. № 195. Берлин, 23.6.1923.

*** Шелест А. Операции с Ссудной Казной // Последняя Новости. № 942. Париж, 18.5.1923 г.; Содержание Ссудной Казны. 11.8.1921 (Hoover, Wrangel coll. 154/58).

великого князя Георгия Михайловича — 4 ящика (500 кг) — один из депозитов в Российском государственном банке. Судьбу этой исторически и художественно важной коллекции выяснил лишь значительно позже Второй мировой войны известный медалист российской эмиграции В. Г. фон Рихтер*.

Эпилог

Вопрос о том, сколько ящиков драгоценностей исчезло из ПСК в течение «белградского» периода (декабрь 1923 — апрель 1941 года) до германской оккупации Югославии в апреле 1941 года, остается без ответа.

После начала германской оккупации драгоценности ПСК, оставшиеся на складах министерства финансов Национального банка, были арестованы немцами.

Удовлетворяя просьбу русского эмигрантского коллаборационистского руководства, несмотря на протесты сербского правительства генерала Недича, по приказу германского уполномоченного по экономическим вопросам Франца Нейгаузена (заведовавшего и «русскими делами» в оккупированной Сербии), немцы в первой половине 1942 года (точная дата неизвестна) на грузовиках привезли и отдали русским коллаборационистам 122 больших ящика, как было сказано: «остатка» драгоценностей ПСК**. Трудно поверить, что эти 122 ящика в самом деле представляли «остаток» драгоценностей. Хаотическое состояние последних дней короткой «апрельской» войны и промежутки времени между протестом правления генерала Недича и передачей драгоценностей «Русскому бюро» давало достаточно возможностей для окончательного «исчезновения» многих ящиков с драгоценностями.

Таким образом, в течение 18 лет «белградского периода» число ящиков с драгоценностями снизилось с первоначально привезенных

* *Рихтер фон В. Г.* Судьба великокняжеской нумизматической коллекции // Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. Военно-историческая библиотека № 17. Военная Библиотека. Париж, 1972. С. 350–353). В. Г. фон Рихтер написал, что после более чем десяти лет судебных споров коллекцию в 1934 г. передали вдове великого князя — великой княгине Марии Георгиевне. Она желала ее продать на аукционе в Германии в 1939 г.; был даже напечатан каталог аукциона, но война этому помешала, и коллекция была распродана на аукционе в Лондоне у Christie's (фон Рихтер не указывает год, а писал: «5 июня с. г.»: из этого можно заключить, что аукцион, вероятно, состоялся около 1970 г.). Таким образом, этот депозит (хотя и не прямой депозит в ПСК, а в Русский государственный банк, но он прибыл в Королевство СХС транспортом ПСК и был подвергнут всем правилам выдачи депозитов ПСК) был, вероятно, одним из редких депозитов, возвращенных депонентам.

** *Маевский Вл. А.* Русские в Югославии. Т. 2. Н. У., 1966. С. 349.

657 до 122 ящика (в среднем каждые две недели исчезал один ящик драгоценностей). Из этого видно, что «Сербско-русская комиссия» в составе Уварова, Гензеля, Миткевича и остальных не бездельничала.

В мае 1942 года по приказу «Русского бюро» был оформлен «особый отдел бюро русской эмиграции в Сербии». Он занимался «ликвидацией» драгоценностей*. Снова объявили правила выдачи залогов/депозитов, но те правила были так сформулированы, что их невозможно было исполнить. Началась и продажа менее ценных предметов в комиссионной лавке, открытой специально для этой цели. Выручка шла «на нужды русской эмиграции», а ценные предметы продавались из-под полы, главным образом сотрудникам гестапо и офицерам СС. Об этом начали ходить слухи в эмигрантской среде. Генерал Крейтер, начальник «Русского бюро», в своей газете «Новый путь» объявил приказ: доносить агенту гестапо при «Русском бюро» на всех, кто распространяет такие слухи**.

Работа «особого отдела» беспрепятственно продолжалась до сентября 1944 года. Тогда ввиду приближения к Белграду югославских партизан и Красной армии генерал Крейтер организовал эвакуацию последних остатков ПСК. Сначала был сделан отбор самых ценных предметов. Их генерал Крейтер двумя посылками отправил германскими военными самолетами в Вену. Дальнейшая судьба тех посылок неизвестна***. После той «спасательной акции» осталось всего 20 ящиков драгоценностей, отправленных в Вену по железной дороге.

Таким образом, с мая 1942 года до конца августа 1944 года (112 недель) «особый отдел» успешно «ликвидировал» 102 ящика драгоценностей (почти один ящик в неделю) и показал еще больше «усердия», чем его предшественник — «Сербско-русская комиссия».

20 ящиков было отослано из Вены в Мюнхен с целью передачи их в кассу «Русской освободительной армии» (РОА) генерала Владова. Но война закончилась и американская армия заняла Мюнхен, взяв драгоценности в плен. Лишь 18 ящиков (2 ящика «исчезло при транспортировке») и то, что в них осталось, американцы вручили 7 октября 1948 года главе русской эмиграции в Мюнхене, генералу Глазенапу². В ящиках были главным образом серебряный лом и множество старинных икон (вероятно, остатки коллекции из Киева). Так как в ящиках находилось много икон, генерал Глазенап их сперва предложил иерарху Русской Православной Заграничной Церкви митрополиту Анастасию (Грибановскому). Митрополит по непонятным причинам отказался от этого предложения. Тогда Глазенап

* Русское Бюро сообщает: Инструкция № 4 Особого Отдела Бюро Русской эмиграции в Сербии // Новый путь. № 14. Белград. 10.5.1942.

** *Маевский Вл. А.* Русские в Югославии. Т. 2. Н. У., 1966. С. 350.

*** Там же. С. 351.

предложил их князю Белосельскому-Белозерскому, одному из представителей организации русских эмигрантов в Америке, но у его организации не было средств на их перевозку в Америку. В конце концов генерал Глазенап продал те 18 ящиков какому-то швейцарцу и вырученные деньги (32 тыс. немецких марок) вручил Председателю русской диаспоры в Мюнхене*.

Таким образом, через 28 лет после прибытия драгоценностей Петроградской ссудной казны с Юга России в Котор был ликвидирован и последний их ящик.

Табл. 2. Динамика уменьшения ценностей ПСК в 1920–1948 гг.

Год	Город	Число ящиков
1920	Котор	1618
1924	Белград	657
1942	Белград	112
1944	Вена	20
1948	Мюнхен	18 → 0

Темп «ликвидации» своеобразно замечателен: в течение 1456 недель «ликвидировали» 1618 ящиков, или в среднем более одного ящика средним весом 88 кг в неделю, или более 14 кг драгоценностей в день («работая» во все выходные дни и в праздники!).

В течение этого времени залогодателям и депозиторам Петроградской ссудной казны удалось вернуть лишь минимальную часть своей собственности. Главными получателями драгоценностей были английские покупатели «серебряного лома», разные Гайдуковы, Тизенгаузены, Уваровы, Чабовские, Гензели, Миткевичи, служащие гестапо, офицеры СС, генерал Крейтер и его компания.

Казалось бы, на этом и заканчивается одиссея ПСК. Но это может быть и не совсем так...

В Югославии к власти в 1944–1945 годах пришли коммунисты. Они упразднили королевство, страна стала Федеративной Народной Республикой Югославией (ФНРЮ), а новые властители тесно подружились с СССР, по крайней мере до 1948 года. В течение 1947 года разлад между двумя коммунистическими партиями еще не был известен обыкновенным гражданам, но советское правительство вспомнило историю Петроградской ссудной казны и свои безуспешные дипломатические шаги по тому поводу в 1920-х годах и послало правительству ФНРЮ официальную дипломатическую памятную записку (*aide-mémoire*)** с запросом о судьбе драгоценностей ПСК,

* *Маевский Вл. А.* Русские в Югославии. Т. 2. С. 352.

** Министерство спольних послова Републике Србије. Београд. Дипломатски Архив, MSP RS, DA, PA, 1947, F. 107, пов. broj 46451.

прибывших в Югославию в 1920 году Министерство иностранных дел ФНРЮ отослало свой запрос по этому поводу Национальному банку ФНРЮ*. Национальный банк ответил, что в сейфах Банка не осталось никаких драгоценностей ПСК и что все документы сгорели в 1944 году при бомбардировке Белграда западными союзниками, когда в здание министерства финансов коллаборационистского правительства Сербии генерала Недича попала зажигательная бомба**. Правительство ФНРЮ отправило этот ответ советскому правительству***.

Неофициальные справки в Архиве Сербии показывают, что, вероятно, не все документы из архива министерства финансов правительства генерала Недича сгорели и что, по крайней мере, часть из них (научно необработанные документы) находится в фондах Архива Сербии. Пока невозможно подтвердить или исключить вероятность того, что в нем находятся некоторые документы по этому делу.

В 2000 году в Этнографическом музее в Белграде автора этой статьи консультировали по поводу пробирочных и авторских клейм старинного русского серебра (у них не было литературы по этому вопросу). Автору тогда довелось увидеть в запасниках музея значительное количество старинного русского серебра, которое готовили к выставке. На вопрос о том, откуда и когда именно в этом музее появились эти предметы, был получен неофициальный и достаточно неопределенный ответ, что их года через два-три после Второй мировой войны доставили в ящиках и без всякой документации из Национального банка. Откуда они попали в Национальный банк и зачем он их именно тогда послал именно в этот музей, остается загадкой.

Некоторые из тех серебряных предметов отобрали и организовали их выставку в Музее в 2000 году, издав очень хорошо иллюстрированный каталог****.

* Там же.

** Министарство спољних послова Републике Србије. Београд. Дипломатски Архив, MSP RS, DA, PA, 1947, F. 107, pov. broj 410165.

*** Там же.

**** *Гвозденовић Ирена*. Руско сребро (каталог изложбе — 57 стр., илустрације). Етнографски Музеј у Београду. Београд, 2000.